

КАМЕННЫЙ ВЕТЕР

Осталось от Блока пустое тряпье –
И ветхости мягкая рана
Уже расплзлась, и по кромке её
Безгубо сочилась нирвана.

...Он сам перевёлся в иной лазарет,
От слабости плавая в стыни, –
Но синею спичкой глухой кабинет
Горел в петроградской твердыне.

И лишь одеяло дышало во мгле,
И вата его клочковато
Всё билась, клубилась по вешней земле,
Как поезд дымясь виновато, –

Как поезд, в котором он плыл от друзей
В Эдем свой лазурно-багровый,
Где голой скрижалю грозил Моисей –
Пророчьей железной обновой.

Бельё разорвали на тысячи роб,
На тысячи нар одеяло

Свезли,
распластали,
и вшивый сугроб,
Набив себе брюхо, умыл его лоб,
Громоздкий и вялый.

В петропольской гнили он бредил,
вдали
От топота мюнхенских кружек –
И волосы всех Незнакомок цвели
Сквозь ткань безымянных подушек.

И поезд уже завернул, дребезжа,
В тупик, где шинели и крики,
Где Алая Роза – колымская ржа
И ягоды костяники.

Мой век напоследок ему подвывал,
Тянулись за ним в голубиный провал
Глупцы, подлецы и скитальцы...

...А я одеялом его укрывал,
И каменный ветер мне плоть продувал.
И вата налипла на пальцы.

ХРАМ

Потому что не жить, отрекаясь, кляня и горланя,
Я скользил по ледку через плечи служилых ворон,
Но нашёл свой отлёт в оперенье двуглавом орлана:
И горяч жеребец, и почти розовеет паром...

Знаю, что-то стряслось, улыбнулось в проклятой «Дубине»,
Рыбари-бурлаки посветтели от соли в траве.
И двойтся свеча, колыхаясь в рождественской глине,
И щебечет цветок у надежды в пустом рукаве.

Эх, Россия-простуда: мордовская, детская слава,
Дочь разбойной любви, перебитое настезь стекло, –

Ни стихи, ни стакан, ни погромы и римское право –
Ничего твой косой, Вифлеемский прищур не сожгло.

Боже, дай догрести до клочка, чтоб лысеть на трясине, –
А с пером в животе я и сам доберусь до земли...

.....
Сын и Дочь подойдут; Он же – только о Сыне, о Сыне...
Дочь ладошки лизнет и глазницы прикроет в пыли.

Ну, ещё потерпи – скоро станет тепло и богато –
Снова нищие спят, и Звезда выплывает из ран.
Но ползут к алтарю не волхвы, а бухие солдаты,
И пустым рукавом подметают бревенчатый храм.

* * *

А. Колганову

Свою гордую одинокость
Ты умеешь тащить наугад, –
Безымянную сердца окись
Не постигнут отец и брат,
И любая шалава-дворняга
С перебитым наотмашь хребтом... –
Как чумная, колючая брага
Плещется под перстом.

Ни греха, ни чёрта, ни Града,
Ни дороги в Иерусалим...
Но творим мы все, что вам надо,
Что положено нам – творим:

Никому не слышимый скрежет
Сытой ивы на бризе морском...
Чья-то скрипка всё режет и режет, –
А выходят единым куском
И рождаются все печали –
Красномясая ворожба,
И горчит её плоть лучами
От сырого, детского лба.

Не плакучая донна-скрипка –
Утомлённого тленья лубок, –
А живая вода из крика:
«Одинок! Одинок!»

Из развалин и спален отчизны
Голый ветер, спалив паруса,
Голосит через свадьбы и тризны
В ярко-нищие небеса.

* * *

– Всё моё прошлое умерло
И не вернётся сюда...
Сядешь, испуганно-умная,
Сонная словно беда.

Стали такими нестрашными
Ветер, и боль, и песок.
Тихо ладонями влажными
Вправляю я в прядь волосок.

Так бы молчать нам и стариться,
Слушая вздохи сверчка...
Словно зелёные старицы –
Два безутешных зрачка.

Женщины, вскрики, бессонницы –
Всё далеко позади,
Лишь твоя нежность бесовская
Прячет лицо на груди.

Долго темнеет на улице
В горькой и дикой земле.
Будем шептать и сутулиться,
В палевой плавая мгле.

Больше никто не позарится
На разорённый уют...
Завтра дрожащее зарево
Бедные капли прольют.

Белые гости последние
Нас безунывно простят
Там, где столетние, летние,
Светлые ветви шумят.